

Хиллиг Г., Окса Н.Н.

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОЛОНИИ ИМ. М. ГОРЬКОГО

О колонии им. М. Горького – всемирно известной педагогической лаборатории А.С. Макаренко, написано много. Однако основным источником информации о первых шагах ее становления остается литературно-художественное произведение – «Педагогическая поэма».

В этой статье, учитывая изложенные в «Поэме» события, на основании уже известных и недавно обнаруженных источников, рассматриваются особенности организации, заселения и названия полтавской колонии.

1. *«Новый человек» – благотворительная цель соцвоса.* В прологе к «Педагогической поэме» речь идет, как известно, о «разговоре с завгубнаробразом» в сентябре 1920 г., во время которого педагог получил задание организовать колонию для малолетних правонарушителей. Как свидетельствует вдова Макаренко, он написал пролог лишь после остальных начальных глав, по теперешней нумерации со второй до девятой [1, с.110-122], видимо в 1933 году. В первой главе дословно можно прочесть:

«– Ну а если я и в самом деле напутаю?

Завгубнаробразом стукнул кулаком по столу:

– Да что ты мне: напутаю, напутаешь!.. Ну, и напутаешь. Чего ты от меня хочешь? Что я не понимаю, что ли? Путаю, а нужно дело делать. Там будет видно. Самое главное, это самое... не какая-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание... Нам нужен такой человек вот... наш человек! Ты его сделай. Все равно, всем учиться нужно. И ты будешь учиться. Это хорошо, что ты в глаза сказал: не знаю. Ну и хорошо» [2, с.9].

Прототипом завгубнаробраза являлся А.М. Мизерницкий, который в 1920 году действительно занимал названный пост, однако вскоре, после открытия колонии, как об этом подчеркнуто в «Поэме», исчез из Полтавы, «уехал куда-то на другую работу» [2, с.19]. Но он был не «рабочим-выдвиженцем», как делает вывод из книжного диалога Е.З. Балабанович [3, с.214], а образованным интеллигентом. Об этом свидетельствует личное дело политического деятеля, а также воспоминания Н.Н. Миронова: «Трудно себе представить, чтобы высокоинтеллигентная парторганизация Главсоцвоса могла избрать своим секретарем такого тупого мужлана, – как его изобразил А.С. Макаренко в «Педагогической поэме». Образ Полтавского завгубно – некультурного грубияна – никак не соответствует тому, каким Мизерницкий был в Главсоцвосе – культурным, выдержанным, вполне грамотным» [4, с.26].

Карьера Мизерницкого в Наркомпросе УССР, киевском губнаробразе, профсоюзе «Робос» и Наркомтруде УССР, а также его дальнейший спуск вниз по служебной лестнице (работа директором совхоза и Зоотехнического института), возможно и его принудительное «путешествие» на Кузбасс в 1933 году [см.: 4, с.23-32], автору «Педагогической поэмы» во время написания пролога была хорошо известна, поэтому получился такой «пролетаризированный» персонаж.

«Наш человек» завгубнаробразом, по макаренковедческой традиции, должен был быть послереволюционным «новым человеком». 20 августа 1920 г. на втором Всеукраинском совещании по просвещению докладчиком от Наркомпроса УССР выступал А.И. Попов (1891-1958) – председатель научпедотдела Совета соцвоса [5, с.59-60]. Он говорил о «воспитании нового человека – члена социалистического общества, человека-коммуниста», как «основное задание нашей системы». А еще 1 июля 1920 г. Попов составил основополагающий документ – манифест советской украинской педагогики этого времени: «Декларацию Наркомпроса о социальном воспитании детей». Относительно влияния декларации на «завкола Горького» в (пост)советском макаренковедении до сих пор даже не упоминается [см.: 6, с.78-80]. О «воспитании нового человека» речь идет и в двух других принципиально важных документах Наркомпроса Украины – «Система социального воспитания детей в УССР» от 25 июля 1921 г. и «Кодекс законов о народном просвещении УССР» от 2 ноября 1922 г. [см.: 6, с.84-85]. Написание упомянутых документов приходится на период руководства Наркомпросом Г.Ф. Гринько (1890-1938), которого Макаренко вспоминает в первой части «Педагогической поэмы»: «Таковых, считая в том числе и меня, было пятеро. Назвал нас «подвижниками соцвоса» товарищ Гринько» [7, с.74]. В результате репрессии последнего, его фамилию изъяли из всех советских переизданий «Поэмы». Позабыто в отечественном макаренковедении также и имя репрессированного «главбога» педолимпа УССР Попова, который в 30-е годы два с половиной года провел в тюрьмах, а в 1944 году эмигрировал в Германию и США [см.: 6, с.146-147].

2. *Основание колонии.* Организационные формы борьбы с детской беспризорностью и преступностью на Украине, как и в других советских республиках, были ориентированы на опыт РСФСР, где 4 февраля 1919 г. по инициативе наркома просвещения А.В. Луначарского декретом Совета Народных комиссаров был организован Совет защиты детей. Подобный орган 10 марта 1919 г. создавался и в УССР: Украинский республиканский совет защиты детей [см.: 8]. Когда большевики на Украине «окончательно» установили свое правление, то по инициативе СНК республики 29 июня 1920 г. был вновь создан Центральный совет защиты детей (ЦСЗД) [9]; а на местах еще раньше организовывались чрезвычайные комиссии защиты детей. О создании на Полтавщине губисполкомом такого органа из шести человек – предгубисполкома А.Я. Шумского, завгубсоцвосом М.Я. Чабан, писателя В.Г. Короленко и др. – сообщила местная печать 18 июня 1920 г. [10].

Обязанности руководителя ЦСЗД исполнял председатель СНК УССР Х.Г. Раковский (1873-1941). Имя этого репрессированного политического деятеля теперь почти забыто.

В Положении о ЦСЗД при СНК УССР подробно определены его функции: объединение и согласование деятельности отдельных наркоматов и общественных организаций в деле обеспечения, питания, санитарной охраны и социального воспитания детей. Также в задачи ЦСЗД входило: охрана материнства, создание условий для нормального развития детей, борьба с детской смертностью, беспризорностью, проституцией и преступностью, охрана труда несовершеннолетних.

6 октября 1922 г. ЦСЗД при СНК УССР прекратил свою деятельность и вместо него была создана Центральная комиссия помощи детям при ВУЦИКе, которую возглавил его председатель Г.И. Петровский [см.: 11].

Впервые «колония для несовершеннолетних преступников в Полтавском уезде» встречается в протоколе заседания ЦСЗД № 3 от 24 июля 1920 г. под председательством Гринько. Докладывал по этому вопросу руководитель Главкомитета соцвоса Наркомпроса УССР В.Е. Бутвин. Постановление гласило: «предложить Наркомюсту дать справку – на каком основании задерживается Губотделом юстиции передача колонии Губнаробразу и принять срочные меры к ее передаче. Поручить Наркомпросу согласоваться с РКИ и органами ЧК о формах и способах постановки допроса детей, когда это вызывается необходимостью, и гарантировать детские учреждения от влияния отдельных агентов. К следующему заседанию представить проект. Поручить Наркомпросу и Наркомздраву дать конкретный доклад о количестве колоний, имеющих под Харьковом» [12].

Интересная деталь: в тот же день на 3-ем съезде по народному образованию Полтавской губернии (22-26 июля 1920 г.) было объявлено, как сообщила местная печать [см.: 13], о создании в школьной секции подотдела социального воспитания губнаробраза подсекции трудовых колоний, а также о «предположении» открыть в каждом уезде такое учреждение.

8 августа 1920 г. ЦСЗД под председательством Раковского, обсудив вопрос «о колонии для несовершеннолетних преступников в Полтавской губернии», потребовал от СНК УССР ускорить процедуру передачи колонии губнаробразу [14]. 29 августа Центральный совет обратился в НК РКИ с заявлением о расследовании обстоятельств «бесхозности» колонии, а также с требованием о ее передаче наробразу. В протоколе данного заседания ЦСЗД в связи с этим можно прочесть такое постановление: «Наркомпросу предлагается к следующему заседанию представить точные данные по следующим вопросам: 1) о теперешнем состоянии самого имения, где находятся колонии, 2) сколько там десятин земли, 3) сколько обработано, 4) какие помещения там имеются, 5) сколько комнат, 6) сколько мастерских и какие, 7) сколько человек может работать в этих мастерских» [15].

Как видно из недатированной телеграммы Бутвина в Полтавский губнаробраз, он сразу же взялся за выполнение решения ЦСЗД от 29 августа. В ней перечислен целый комплекс вопросов, которые нужно было решить к следующему заседанию [16]. Последний раз о полтавской колонии упоминается на заседании ЦСЗД 5 сентября 1920 г. Тогда, под председательством Раковского, совет постановил: «В связи с заявлением тов. Бутвина, относительно неполучения сведений из Полтавы, поручается тов. Раковскому расследовать по какой причине заведывающий Полтавским губнаробразом не явился к прямому проводу, и принять соответствующие меры.

Передать быв. имение колонии для несовершеннолетних преступников Наробразу для дефективных детей, а если число дефективных детей окажется недостаточным, использовать для детских колоний вообще.

Наркомзему поручается через Полтавский губземотдел наладить земледельческое хозяйство колонии быв. для малолетних преступников в Полтавщине.

Предложить Полтавскому губисполкому предоставить немедленно помещение для малолетних преступников (под реформаториум) и желательно возле Шведской Могилы» [17].

О решении ЦСЗД местные газеты «Вісти/Известия» и «Більшовик» 16 сентября 1920 г. под заглавием «Колония для малолетних» сообщали: «По распоряжению Центрального совета защиты детей колония для малолетних преступников переходит в ведение Наробраза» [18].

Точная дата открытия колонии неизвестна. В анкете для сотрудников учреждений дефективного детства Харьковской области, заполненной в сентябре 1922 г., сам Макаренко определил 20 сентября 1920 г. датой начала своей деятельности в должности зав. колонией [19]. Это подтверждается также удостоверением Полтавского губнаробраза от 6 октября 1922 г. в связи с его командировкой в институт им. Э.А. Литкенса [20]. 20 сентября 1920 г. упоминается и как юбилейная дата трехлетнего существования учреждения [21]. Однако в акте осмотра колонии летом 1924 г. говорится о ее деятельности лишь «с октября 1920 года» [22]. Пятилетний юбилей планировалось отметить сначала 25 сентября [см.: 23], но реально данное мероприятие состоялось 30 августа 1925 г. [см.: 24]. В фондах Наркомпроса УССР сохранились копии двух документов от 14 и 17 сентября 1929 г. (на русском и украинском языках), удостоверяющих, что «Антон Семенович Макаренко был заведующим Полтавской, а потом Харьковской колонии имени М. Горького для правонарушителей с 3 сентября 1920 года по 3 сентября 1928 года» [25]. Оригинал украинского варианта этого документа с неточными датами, неизвестно для чего понадобившийся педагогу, хранится в его личном архиве [26]. Для (пост)советских исследователей он служил достоверным источником датирования работы Макаренко в колонии.

«Исторический союз» между Наркомпросом РСФСР и ВЧК в деле ликвидации детской преступности и беспризорности (Ф.Э. Дзержинский в беседе с А.В. Луначарским: «Я хочу бросить некоторую часть моих сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью...») оформился только в конце 1920 г. и ка-

сался пока что лишь России. Макаренковедческая традиция связывать начало существования полтавской трудколониции с деятельностью чекистов в деле защиты детей, не имеет под собой основания. Изображение Дзержинского на панно в музее-заповеднике А.С. Макаренко в с. Ковалевке, а также его портрет в советских биографиях педагога-писателя – лишь дань времени, не отражающая, на самом деле, исторической реальности: более адекватны были бы бюст и портрет другого деятеля – Раковского, который на Украине играл решающую роль в борьбе за охрану жизни детей.

3. *Первые воспитанники.* Первые воспитанники прибыли в колонию лишь 4 декабря 1920 г. По «Педагогической поэме» «этими первыми» были «Задоров, Бурун, Волохов, Бендюк, Гуд и Таранец» [2, с.13]. Как свидетельствуют И.Г. Колос и К.И. Белковский, завкол сначала действительно собирался принять шесть правонарушителей из полтавского коллектора на Пушкинской улице. Но в те дни ночью навалило снега, был сильный мороз и поэтому Макаренко ездил в город на санях. Однако он взял только пять человек (из них одну девочку): Константина Белковского, Романа Затонова, Николая Шаплыко, Биндюка и Раису Терещенко. Иван Колос не мог поехать с ними – у него не было теплой одежды и он еще чувствовал себя слабо после тяжело перенесенных приступов тифа [см.: 27].

Вторую группу из четырех лиц (Товмач, Иванов, Пшенов, Плиш), а также Колоса, Макаренко привез 18 декабря в колонию на линейке – начиналась оттепель. Таким образом, первый состав воспитанников насчитывал не шесть человек, как упоминается в «Педагогической поэме», а десять. 26 декабря Биндюка, за ночную поножовщину с убийством, арестовали. Об этом, в связи с «Бендюком», говорится и в «Поэме». В конце декабря из колонии временно ушла Раиса Терещенко [см.: там же]. Подтверждением уменьшения количества колонистов служит отчет о деятельности Полтавского губисполкома за 1920 г., где о макаренковском учреждении можно прочитать: «Воспитанников – до сих пор 8» [см.: 28].

18-летний Константин Белковский попал в колонию вместе с Биндюком прямо из Полтавской тюрьмы, где он уже отсидел два с половиной года за участие в вооруженном разбойном нападении на железнодорожную мастерскую. Сведения об этом воспитанике нам удалось найти в берлинском журнале «Internationale Pressekorrespondenz» (Обзор международной прессы). Здесь в конце 1932 г. появилось интервью педагога-воспитателя Белковского о своей бурной жизни и перевоспитании у Макаренко. По его словам, он вырос в детском приюте, затем, выброшенный оттуда, до 14-ти лет скитался по улицам – сначала в Петербурге, затем в Туркестане, в Сибири и, наконец, на Украине, постоянно передвигаясь по железной дороге (в ящике для инструментов машиниста или на буферах). В Киеве он приобрел «спецподготовку по искусству воровства» у других подростков. В результате за «разбойничий налет» получил 1,5 года заключения в тюрьме, а в 1918 году, во время перевозки в детдом, ему удалось сбежать в Полтаву... При Советской власти (с лозунгом «Воспитание вместо наказания») для него открылись ворота тюрьмы: «Из заключения нас отвели в коллектор, и там, под руководством Макаренко – „отца беспризорников“ – было основано первое учреждение для беспризорных» [29, с.70].

В газете «Більшовик» от 20 октября 1920 г. в заметке под заглавием «Суд над бандитами» рассказывается об уголовном прошлом Колоса (перевод из украинского):

«В отделе Революционного военного трибунала при 29-ой бригаде войск Внутренней службы в Полтаве 12 октября рассматривалось дело бывших милиционеров Гадячской милиции: Сороки М.П., Буряка И.Д., Колоса И.Г. и Халявко Я.Т. Сорока и Буряк, получив на несколько дней отпуск, не явились по окончании отпуска и присоединились к шайке бандитов. Сорока, будучи назначенным старшим десятка, подался со своей шайкой добывать себе оружие. Присмотрев идущих красноармейцев Сорока со своей шайкой обстреливал их. Сорока, как командир десятка, руководил обстрелом, в котором принимали участие и упомянутые милиционеры. К тому же, Сорока и Буряк были еще и членами ячейки коммунистической партии. Суд присудил: Сороку, как активного бандита, к высшему наказанию – расстрелу, а Буряка, как менее активного и менее сознательного, к аресту в дом общественных принудительных работ до окончания Гражданской войны, не применяя к нему амнистии. Халявко и Колоса, как несовершеннолетних, передать в комиссию по борьбе с несовершеннолетними преступниками. Приговор расстрела исполнить на протяжении 48 часов. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит» [30].

Открытие Полтавской трудколониции спасло многих молодых людей от гибели. Местная печать того времени сообщала о приговорах губернского ЧК против «врагов Республики». Так, 11 декабря 1920 г. в газете «Вісти/Известия» назывались 17 расстрелянных в возрасте от 19 до 53 лет за участие в заговорах, выступлениях против советской власти, бандитизме, дезертирстве [31].

В списке воспитанников колонии, составленном Макаренко в сентябре 1922 г., об Иване Колосе указано: «время рождения – 9 января 1903 г.»; «время определения в колонию – 18 декабря 1920 г.»; «причина определения в колонию – политический бандитизм»; «род дефективности – нормальный» [32, л.90]. Из 68 воспитанников за «политический бандитизм» и «подозрение в шпионаже» кроме Колоса были определены еще 12 молодых людей.

Таким на самом деле было «бесславное начало колонии имени Горького» [2, с.9]...

4. *Название колонии.* Как видно из документов 1921-22 годов, руководимое Макаренко учреждение вначале носило наименование «Основной детский дом для морально-дефективных детей № 7» или «Колония для морально-дефективных детей», с 1922 года кроме того и «Полтавская трудколониция для малолетних правонарушителей». Добавление к названию «им. М. Горького» появилось позже.

Несовершеннолетние правонарушители в то время считались «морально-дефективными», и это понятие Макаренко сам использовал в двух докладных записках о реорганизации работы подотдела социально-

го воспитания Полтавского губернского отдела народного образования, составленных в июне 1920 г., когда он временно работал в аппарате губнаробраза [см.: 33, с.19]. По этим документам можно сделать вывод, что в секции охраны детства существовала подсекция распределительных и предупредительных учреждений, перед которой ставилась следующая задача: «организация реформаториума и дома морально-дефективных детей» [34, л.11-11 об.]. Реформаториум – учреждение для правонарушителей высшей ступени – позже перешел в ведение Нарюста.

В главе «Характеристика первичных потребностей», в связи с трудностями получения доброкачественного питания для воспитанников, автор «Педагогической поэмы» иронически пишет: «Иногда нам удавалось производить такой сильный нажим, что мы начинали получать даже мясо, копчености и конфеты, но тем печальнее становилось наше житие, когда обнаруживалось, что никакого права на эту роскошь дефективные морально не имеют, а имеют только дефективные интеллектуально» [2, с.20].

«Основные детские дома для морально-дефективных детей» (до 15 лет) и «Трудовые колонии для несовершеннолетних правонарушителей» (для мальчиков-подростков от 15 до 18 лет) [см.: 35] находились в Наркомпросе республики (в Главсоцвосе) в ведении «главного инспектора учреждений дефективного детства» и двух его помощников – «областных инспекторов» левобережной (Харьков) и правобережной (Киев) Украины [см.: 36]. Полтавская губерния, которая по традиции входила в Киевский учебный округ, уже при деникинцах была причислена к Харьковскому учебному округу [см.: 37] (при большевиках – Харьковская учебная область). В соответствии с «Системой социального воспитания детей УССР» от 25 июня 1921 г. появились учреждения физическо, умственно- и морально-дефективных детей [см.: 38].

В первом письме Макаренко М. Горькому от 8 июля 1925 г. можно прочесть: «Мы просили о присвоении колонии Вашего имени в 1921 году...» [21, с.217]. В действительности, об этом зав. колонией и ее сотрудники не «просили», а данное название Макаренко самовольно использовал не позднее лета 1922 г. Упоминания подобного рода встречаются в докладе «О состоянии учреждений для дефективного детства в г. Полтаве» Харьковского областного инспектора А.М. Алмазова главному инспектору учреждений дефективного детства Наркомпроса УССР И.А. Соколянскому от 12 июня 1922 г., где речь идет о «трудколонию им. М. Горького для малолетних правонарушителей» [см.: 39], и в отчете Полтавского губнаробраза за июнь 1922 г., в котором говорится о переводе «колонии имени Горького и других воспитательных учреждений с центрального госснабжения на местные средства» [40]. А 16 июля того же года полтавская газета «Голос труда» публикует статью «Колония им. М. Горького» [см.: 41, лл.8, 12; с ошибочной датой – “15/VII”]. Начиная с этого времени в официальных посланиях, отчетах и заявлениях, адресованных руководству учреждения (сначала губнаробраз, а с 1 октября 1923 г. – Наркомпрос), завкол Макаренко употребляет название «им. М. Горького», – позднее эти инстанции также использовали данное наименование.

Определяющую роль для присвоения возглавляемому Макаренко детучреждению имени М. Горького, без всякого сомнения, играло глубокое уважение педагога к личности писателя, его высокой оценки творчества Горького. Дальнейшим поводом служило то, что по соседству с ним, в Трибах, располагалась колония им. Короленко, являвшаяся учреждением Лиги спасения детей (ЛСД; почетный председатель: В.Г. Короленко) и образованная еще во время власти «белых» (ноябрь 1919 г.). ЦСЗД с подозрением относился к деятельности ЛСД, в которой были представители «старой интеллигенции». Как видно из протокола заседания от 5 сентября 1920 г., Центральный совет решил «оставить лигу спасения детей под контролем Совета защиты детей и соответствующих других советских органов» [см.: 42]. Имя писателя, живущего в Полтаве с 1900 года, с его согласия присвоено колонии постановлением Полтавского общества Лиги спасения детей в начале 1921 г. [см.: 43] или, по другому источнику, в 1921/22 учебном году [см.: 44] (Короленко умер 25 декабря 1921 г.). На основе этого можно предположить, что присвоение имени макаренковскому учреждению стало непосредственной реакцией на произошедшее неординарное событие.

О присвоении своей колонии имени Горького и о взаимоотношениях двух полтавских учреждений Макаренко пишет в «Педагогической поэме» (это единственное, содержащееся в его текстах упоминание о короленковской колонии):

«Когда в трех километрах от нас поселилась детская колония имени В.Г. Короленко, наши ребята недолго им завидовали. Задоров сказал:

– Маленьким этим как раз и хорошо называться Короленками. А мы – Горькие» [2, с.58-59].

В 1926 году, когда горьковцы переехали в Куряж, то на их место в Ковалевке перевели из Триб колонию им. В.Г. Короленко, возглавляемую с ноября 1922 г. Ф.Д. Ивановым. Но в «Поэме» (часть 3-я, гл.1 – написана весной 1935 г.) данный факт Макаренко изображает как передачу «колонийской» земли и имущества в Ковалевке сельскохозяйственной коммуне им. Луначарского [2, с.293]. После ликвидации частных дворов крестьян в период коллективизации и голода это звучит как комплимент советской власти.

В комментариях к переписке педагога-писателя с Горьким в восьмитомнике А.С. Макаренко говорится: «Колония стала носить имя М. Горького с 28 марта 1921 г.» [21, с.360, прим. №3] (ссылки на источники не приводятся). Как рассказывал бывший горьковец Виталий Стебловский, мысль о присвоении учреждению имени писателя возникла при обсуждении воспитанниками книги М. Горького «В людях» [см.: 45]. По всей вероятности Стебловский, который попал в колонию лишь в мае 1921 г. [см.: 21, с.143], неточно вспомнил год данного события.

В макаренковедении, начиная с Н.А. Морозовой, существовало мнение, что Макаренко впервые официально называет свою колонию «им. М. Горького» в докладной записке от 20 сентября 1921 г. [см.: 46, с.83]. Как показала проверка документа, речь идет об украиноязычном письме завкола в Полтавский окр-

наробраз, а именно от «20/IX дня 1925 р.» [47]. Морозова, не знакомая с оригиналом, использовала, очевидно, машинописную копию в ЦГАЛИ СССР, выданную с ошибкой в датировке ГАПО в 1949 году [48]. В новейшей публикации в полтавском научном сборнике «Исторична пам'ять» Н.Н. Тарасевич опровергает неверное утверждение Морозовой «и еще некоторых исследователей о том, что впервые колония имени М. Горького была названа в 1921 году 20 сентября» [49, с.192]. Нужно признать, что в записке Макаренко последнюю цифру года, по неразборчивому ее начертанию, вполне можно прочесть как «1». Однако в 1921 году «завкол Горького» еще не был вынужден вести делопроизводство своего учреждения на украинском языке, адресатом писем колонии в то время являлся не окр-, а губнаробраз, и З.С. Фиальковский, резолюция которого помещена на докладной записке [см.: 50, с.206], занимал пост заведующего названной инстанции лишь с ноября 1923 г. [см.: 4, с.36].

Бросается в глаза факт, что Макаренко не всегда называл полтавское учреждение «колония им. М. Горького». Так, в заявлении от 24 августа 1922 г. на учебу в институт им. Е.А. Литкенса он умалчивает о том, что возглавляемая им с 1920 года «колония для малолетних (несовершеннолетних) правонарушителей» к моменту написания заявления носила уже имя М. Горького. Писатель выступал в то время ярким противником политики большевиков, а его отъезд в октябре 1921 г. из Советской России в Германию объяснялся не только плохим состоянием здоровья, как это подчеркивалось в официальной версии. Только зная эти факты, можно понять, почему Макаренко в своем заявлении не называет Горького в числе писателей, творческим наследием которых он восхищался (Шекспир, Пушкин, Достоевский, Гамсун). Зато он упоминает Горького вместе с другим писателем-эмигрантом: «Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и Ал. Н. Толстого» [21, с.8-11].

1 августа 1922 г. газеты опубликовали протест «старых питерских печатников..., в том числе некоторых наборщиков, которые набирали труды Максима Горького до и после революции», против писателя, выступавшего в иностранной прессе очень критически в связи с «делом» эсеров в Москве. Данную публикацию на первой странице его любимой полтавской газеты «Голос труда» Макаренко не мог не заметить. В заключении обширного призыва петроградских печатников говорится, что, если Горький не откажется от своих антисоветских выступлений, «то волей-неволей революционный рабочий класс России должен будет его причислить к той группе заграничных эмигрантов, которой пролетарская история наклеила ярлык в одном слове – „белая“, и для которой границы нашей многострадальной, но начинающей процветать республики должны быть закрыты навсегда» [51 – курсив в публикации]. Такой подход к «инакомыслящим» нам хорошо известен также и во все последующие десятилетия Советской власти...

До сих пор не удалось окончательно выяснить вопрос, почему Макаренко *летом 1923 г.*, обращаясь к республиканским инстанциям, руководимое им учреждение опять временно назвал «Полтавской трудовой колонией для правонарушителей». Это относится не только к упомянутому Н.Н. Тарасевич документам [см.: 49, с.191], а также и к письму, с которым педагог 7 августа 1923 г. обращается в Главпрофобр Наркомпроса Украины с просьбой «выдать один экземпляр авторитетной книги «Справочник для поступающих в институты, техникумы, рабфаки и профшколы УССР» заведующему трудовой колонией для правонарушителей в Полтаве т. Макаренко». В архивных фондах Наркомпроса имеется написанный рукой завкола черновик этого письма со штампом Главсоцвоса, регистрационным номером и датой [см.: 52]. Таким образом, Макаренко, очевидно, хотел избежать неприятности при названии колонии «им. М. Горького».

Почему он в данный момент это считал полезным? Возможно тогда же Макаренко стало известно о показательном заочном суде в Харькове в феврале 1923 г. над эмигрантом Горьким [см.: 53, с.58, 360], которого, на основании интервью, данного им Шолому Ашу в Берлине, обвинили в антисемитизме. Та беседа стала поводом резкой критики Горького в СССР и за рубежом. Это относится, прежде всего, к следующему высказыванию: «Причиной теперешнего антисемитизма в России является бестактность еврейских большевиков».

Малоизвестная деталь: полтавское партийно-комсомольское руководство в 1925 году стремилось убрать имя эмигранта Горького из названия заведения. Как вспоминал политрук колонии Л.Т. Коваль [54], секретарь окружного комитета комсомола настаивал на переименовании учреждения именем Ленина или Бухарина. Завкол решительно выступал против такого «перекрещивания». В то время началась переписка педагога с писателем, о которой сообщила местная пресса. Это обстоятельство, по свидетельству Ковалья, сыграло решающую роль в сохранении названия колонии: окркомы партии и комсомола от своих конъюнктурных замыслов отказались.

Ирония судьбы: 24 февраля 1928 г. Макаренко совместно с секретарем фракции КП(б)У колонии Ковалем и другими представителями ее руководства обращается к Бухарину, в то время председателю всесоюзной комиссии по приему возвращающегося на родину «пролетарского писателя», с просьбой выделить колонии дополнительно минимум 30 000 рублей, мотивируя свое обращение следующим образом: «В нашей нищете принять Горького нам неловко...» [55]. В подлиннике этого письма фамилия Бухарина стерта, но моравский макаренковед Л. Пеха, работая в архиве в 60-х годах, смог прочитать его.

27-28 сентября 1928 г. Макаренко, работая над «Педагогической поэмой», в письме к Г.С. Салько подчеркивал: «Совершенно уверен и в том, что верх будет на нашей стороне. Сейчас много читаю Бухарина и Сталина и прямо в восторг прихожу. Они тоже на нашей стороне» [56, с.109]. Вспомним: после исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК партии (осень 1927 г.) Бухарин и Сталин являлись ведущими руководителями партии и страны. Во время VI конгресса Коминтерна (17 июля – 1 сентября 1928 г.) председа-

тель исполкома Бухарин выступал шесть раз, и его речи публиковались на страницах «Правды» и других партийных газет. Не удивляет тот факт, что в советском макаренковедении вышеприведенная фраза из письма педагога-писателя к будущей жене цитировалась лишь один раз и без упоминания Бухарина: «Много читаю Сталина и прямо в восторг прихожу. Он тоже на нашей стороне» [см.: 57, с.38, 56].

Источники и литература

1. *Макаренко Г.С.* Работа А.С.Макаренко над созданием «Педагогической поэмы» // А.С.Макаренко. Статья. Воспоминания. Неопубликованные произведения. – Львов. 1949. – С.117-134.
2. *Макаренко А.С.* Пед.соч.: В 8 т. Т.3. – М., 1984.
3. *Балабанович Е.* Антон Семенович Макаренко Человек и писатель. – М., 1963.
4. *Hillig G.* Verblasste Gesichter, vergessene Menschen... 28 Porträts von "Freunden" und "Feinden" A.S.Makarenkos. – Bremen, 1999.
5. Второе Всеукраинское совещание по просвещению. 17-25 августа 1920 г. (Протоколы пленарных заседаний, тезы и резолюции). – Х., 1920.
6. *Хиллиг Г.* Прометей Макаренко и «главбоги» педолимпа: Соколянский, Залужный, Попов. – Марбург. 1997.
7. *Макаренко А.* Собр. соч. Марбургское издание. Т.3. – Штутгарт, 1982.
8. *Черняк М.* Организация и деятельность совета защиты детей 4 февраля 1919 г. – 22 апреля 1921 г. // Народное образование. – 1969. – № 6. – С.98-101.
9. ЦГАВО Укр. – Ф.20. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.1.
10. Чрезвычайная комиссия защиты детей // Вісти/Известия (Полтава). – 1920. – № 16. – С.3.
11. См.: Архіви України. – 1976. – № 5. – С.65.
12. ЦГАВО Укр. – Ф.20. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.13-13 об.
13. Більшовик (Полтава). – 1920. – № 41. 31 липня. – С.2; Вісти/Известия. – 1920. – № 57. 6 серпня. – С.2.
14. ЦГАВО Укр. – Ф.20. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.14.
15. Там же. – Лл.17-18.
16. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.1. – Ед.хр.985. – Лл.102-103.
17. ЦГАВО Укр. – Ф.20. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.20.
18. Вісти/Известия. – 1920. – № 89. – С.3; Більшовик. – 1920. – № 77. – С.3.
19. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.2. – Ед.хр.1627. – Л.94.
20. ГА РФ. Ф.7954. – Оп.2. – Ед.хр.266. – Л.4.
21. *Макаренко А.С.* Пед.соч.: В 8 т. Т.1. – М., 1983. – С.28.
22. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.4. – Ед.хр.912. – Л.425.
23. *Макаренко А.С.* Пед.соч.: В 8 т. – Т.8. – М., 1986. – С.25.
24. См.: Переписка А.С.Макаренко с М.Горьким. Академическое издание. Под ред. Г.Хиллига, при участии С.С.Невской. – Марбург, 1990. – С.137.
25. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.6. – Ед.хр.2974. – Лл.14, 15.
26. РГАЛИ. – Ф.322. – Оп.4. – Ед.хр. 384. – Л.1.
27. *Науменко Ф.И.* Об «этих первых» из «Поэмы». (К 50-летию опубликования первой части «Педагогической поэмы») // Учит. газета. – 1983. – № 143. 29 ноября. – С.4.
28. Отчет о деятельности Губисполкома и его отделов за 1921 г. – Полтава, 1921. – С.121.
29. *W.: Kleine Geschichten aus zwei Welten / Сб.: Makarenko in Deutschland 1927-1967. Texte und Berichte.* Hrsg. v. G. Hillig. Braunschweig, 1967 (ссылки на: *Makarenko in Deutschland*).
30. Суд над бандитами // Більшовик. – 1920. – № 103. 20 жовтня. – С.2.
31. Борьба с врагами Республики // Вісти/Известия. – 1920. – № 158. 11 декабря. – С.2.
32. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.2. – Ед.хр.1687. – Лл.89-93.
33. *Нежинский Н.П.* – А.С.Макаренко и педагогика школы. – К., 1976.
34. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.1. – Ед.хр.957. – Лл.11-14.
35. Временное положение об учреждениях детей-правонарушителей и дефективного детства // Руководство по социальному воспитанию. Вып. 2. Изд. 2-е. – Х., 1923. – С.67-71.
36. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.3. – Ед.хр.963. – Л.140 обр.
37. Голос Юга (Полтава). – 1919. – № 43. 28 сентября [11 октября]. – С.4.
38. Система соціального виховання дітей У.С.Р.Р. // Порядник по соціальному вихованню дітей. Вип. 1. – Х., 1921. – С.24-28.
39. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.2. – Ед.хр.1687. – Лл.1-6.
40. ГАПО. – Ф.Р-3872. – Оп.1. – Ед.хр.806. – Л.118.
41. ГА РФ. – Ф.7954. – Оп.2. – Ед.хр.266.
42. ЦГАВО Укр. – Ф.20. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.13.
43. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.6. – Ед.хр.2979. – Л.5.
44. ЦГАВО Укр. – Ф.283. – Оп.1. – Ед.хр.21. – Лл.77-79.
45. Народное образование. – 1966. – № 3. – С.90.
46. *Морозова Н.А.* А.С.Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е. – Л., 1961. – С.83.

47. ГАПО. – Ф.Р-363. – Оп.1. – Ед.хр.64. – Л.25. Факс. в кн.: Страдания «украинизированного» завкола. Деловые письма А.С.Макаренко на украинском языке (1924-1925 г.г.). Изд.: Г. Хиллиг. – Марбург, 1996. – С.153.
48. РГАЛИ. – Ф.332. – Оп.1. – Ед.хр.52, л.47.
49. *Тарасевич Н.М.* До історії назви Полтавської трудової колонії імені М.Горького // Історична пам'ять. Науковий збірник. – 1998. – № 1. – С.190-194.
50. Страдания «украинизированного» завкола... (см.: 47).
51. Голос труда (Полтава). 1922. № 99.
52. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.3. – Ед.хр.920. – Л.21.
53. М.Горький и Р.Роллан. Переписка (1916-1936). – М., 1995.
54. В беседе с Н.Н.Оксой (1985 г.).
55. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.6. – Ед.хр.2975. – Л.11.
56. «Ты научила меня плакать...». Переписка А.С.Макаренко с женой (1927-1939). В двух томах. Сост. и ком. Г.Хиллига и С.Невской. Т.1. – М., 1994.
57. *Балабанович Е.* А.С.Макаренко. Очерк жизни и творчества. – М., 1951.

Götz Hillig

Ludwig-Juppe-Weg 5 ½

D-35039 Marburg

Телефон (дом.): 49-6421-65603

Факс (Institut für Erziehungswissenschaft): 49-6421-2828946

E-Mail: hillig@mail.uni-marburg.de